

Г. Р. Державинъ

ГИМНЪ ЛИРО-ЭПИЧЕСКІЙ
НА ПРОГНАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА¹

ПОСВЯЩЕНЪ ВО СЛАВУ ВСЕМОГУЩАГО БОГА, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ, ВЪРНАГО
НАРОДА, МУДРАГО ВОЖДЯ И ХРАБРАГО ВОИНСТВА РОССИЙСКАГО.

Благословенъ Господь нашъ, Богъ,
На брань десницы ополчивый
И подъ стопы намъ подклонивый
4 Враговъ надменныхъ дерзкій рогъ.
Возстань, тимпанница царева,
Священно-вдохновенна дѣва!
И, гусли взявъ въ багряну длань,
8 Брось персты по струнамъ — и грянь,
И пой побѣды звучнымъ тономъ
Царя Славянъ надъ Авадономъ.

Что жъ въ сердцѣ чувствую тоску
12 И грусть въ душѣ моей смертельную?
Разрушенну и обагренну
Подъ пепломъ въ дымѣ зрю Москву,
О страхъ! о скорбь! Но свѣтъ съ эмпира
16 Объялъ мой духъ, — отблещетъ лира;
Восторгъ плѣнить, живить, бодрить
И тлѣнь земной забыть велить,

¹ 13 января 1813 года А. Измайловъ писалъ Грамматину изъ Петербурга: «Державинъ, сказываютъ, написалъ какой-то славный гимнъ на наши побѣды. Я не думаю однако, чтобъ этотъ гимнъ могъ сравниться съ послѣдними стихами Жуковскаго *Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ* (Библ. Зап.) 1859, № 14). Гимнъ былъ напечатанъ въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1813, кн. X, стр. 3, и потомъ въ 1816 г. въ ч. V, XXVII. Его перевелъ на нѣмецкій языкъ г. Гётце, который впослѣдствіи переводилъ также русскія народныя пѣсни (см. *Сынъ Отеч.* 1817 г., ч. 36, № II, стр. 158). Нѣмецкій переводъ гимна напечатанъ отдѣльно въ Ригѣ и въ Дерптѣ, въ 1814 г. (см. въ концѣ нашего изданія библиографію переводовъ изъ Державина). Гимнъ переведенъ былъ также на англійскій языкъ молодымъ Петровымъ, сыномъ извѣстнаго лирика, и Державинъ отправилъ этотъ переводъ въ Лондонъ къ русскому посланнику, графу С. Р. Воронцову, съ просьбою напечатать нѣсколько экземпляровъ его на счетъ Державина и переслать ихъ въ Петербургъ къ переводчику (письмо Державина къ Воронцову отъ 31 мая 1814 г.).

Примечанія въ кавычкахъ помѣщены самимъ Державинымъ въ концѣ *Лиро-эпического гимна*.

«Пой! — міръ гласить мнѣ горній, дольний, —
20 И оправдай судьбы Господни».

Открылась тайнъ священныхъ дверь!
Испелъ изъ безднъ огромный звѣрь,
Драконъ иль демонъ зміевидный;
24 Вокругъ его ехидны
Со крыльевъ смерть и смрадъ трясуть,
Рогами солнце пруть;
Отенетя вкругъ всю ошибами сферу,
28 Горящу въ воздухъ прыщутъ сѣру,
Холмятъ дыханьемъ понтъ,
Льютъ ночь на горизонтъ
И движутъ ось всея вселенны.
32 Бѣгутъ всѣ смертные смятенны
Отъ князя тьмы и крокодильныхъ стадъ.
Они ревуть, свистятъ и всѣхъ страшатъ;
А только агнецъ бѣлорунный,
36 Смиренный, кроткій, но челоперунный,
Возсталъ на Сѣверѣ одинъ, —
Исчезъ змѣй-исполинь!

Что се? Стихievъ ли борьба?
40 Брань съ свѣтомъ тьмы? добра со злобой?
Иль такъ рожденныя утробой
Коварствъ крамола, лестъ, татѣба
В адъ сверглись громомъ съ княземъ бездны,
44 Которымъ трепеталъ сводъ звѣздный,
Лишались солнца ихъ лучей?
Отъ пламенныхъ его очей
Багрѣли горы, рдѣло море,
48 И слѣдъ его былъ плачь, стонъ, горе!..

Иль Галлъ, творецъ то злыхъ чудесъ,
Похитившій у вѣтра крылы,
У доблести, у вѣры силы,
52 Скиптръ у царей, громъ у небесъ,
У правосудія законы?
Убивъ народовъ миллионы,
Изгнавъ къ отечеству любовь,
56 Разтлилъ всѣхъ духъ, оподлилъ кровь,

Ставь хищна рабъ Наполеона, —
Возмнилъ быть царь вселенной трона?

Такъ — онъ, то Галль съ своимъ вождемъ:

60 Навергнувъ на царей яремъ
И всю почти плѣня Европу,
Даль страшному Атропу
Не разъ ея же кровью пиръ;
64 Прервалъ звукъ нѣжныхъ лиръ,
Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ сельскій, мирный
И, въ блескъ разбойника порфирный
Одѣвъ, возвелъ на тронъ, —
68 То былъ Наполеонъ.
Онъ вѣтви ссѣкъ лилей несчастныхъ
И, въ замыслахъ своихъ ужасныхъ
Превозносясь, какъ нѣкій дивій Гогъ,
72 В гордыне мнилъ, что все творить возмогъ.
Но, на спокойну зря Россію,
Что передъ нимъ одна не клонить выю,
Вспылалъ, простеръ завистну длань —
76 И дхнулъ изъ зѣва брань.

Уже, какъ смрадныхъ тучи пругъ,
Его летящи легіоны
Затмили свѣтъ, иль быстры волны
80 Какъ рѣкъ пяти шумящихъ вдругъ²
Черезъ Нѣманъ прорвались преградный.
Самъ онъ, какъ тигръ на трупы гладный,
Предспѣющій своей молвѣ,
84 Шагнулъ къ Днѣпру, шагнулъ къ Москвѣ.
Кровавы вслѣдъ моря струились
И заревы по небу рдились.

В стремленьи быстръ, въ бою жестокъ,
88 Уже своей побѣдой дмился,
Что мы (съ насмѣшкою хвалился)
Бѣжимъ его и праха ногъ;
Что быстрый полкъ его орлиный
92 На домъ Петра, Екатерины

² Какъ рѣкъ пяти шумящихъ вдругъ. — «Наполеонъ пятью колоннами, болѣе нежели въ 500,000 человекъ, перешелъ пограничную рѣку Нѣманъ. Реляція отъ 17 іюня».

Возсядетъ скоро средъ столицъ
И вкуситъ онъ отъ царскихъ лицъ,
По жатвѣ звучной, громкой славы,
96 В Петрополѣ, въ Москвѣ забавы³.

Уже блаженствъ своихъ съ одра
Россія внемлетъ гласъ царя,
Зовущаго на ополченье.
100 О радостно видѣнье!
Такъ Май, блестя своимъ лицомъ,
Сквозь тучъ чрезъ тихій громъ
Скликаетъ сонмъ съ полей, съ лѣсовъ къ себѣ пернатый.
104 Различно племя, въ разны латы
Облекшись, росскій родъ
Какъ исполинъ встаетъ;
Идетъ на брань единомушно,
108 Монарху своему послушно,
За тронъ его, за вѣру умереть.
Нигдѣ сей ревности подобной нѣтъ!
И старцы, дѣти, жены, дѣвы,
112 Богатства всѣ свои въ сокровища царицы
Отдавъ, идутъ въ Господень храмъ
Взнести душъ ихъ ѿиміамъ.

Держай твердь, море, землю, адъ
116 И равновѣсье межъ мірами;
Дышай зефирами, громами
И все въ единъ вмѣщай взглядъ,
Возрѣвъ на лествъ Наполеона,
120 На святость Александра трона,
В ночь темныхъ тучъ себя облекъ
И тихимъ гуломъ грома рекъ:
«Полна нечестья Галловъ мѣра,
124 Спасаетъ Россю тепла вѣра!»

И бысть. — Молебныхъ капля слезъ,
Упадши въ чашу правосудья,

³ В Петрополѣ, въ Москвѣ забавы. — «Нѣкоторыя парижскія дамы, по увѣренію Наполеона, писали къ петербургскимъ французскимъ торговкамъ, чтобъ онѣ къ Петрову дню приготовили имъ платья для бала въ Петергофѣ».

Всей стратегистики орудья⁴,
 128 Какъ прахъ, взметнула до небесъ.
 Раздвиглись Чермна Моря волны,
 И Фараонъ, гордыней полный,
 Ступилъ въ невлажный понть ногой.
 132 Морскихъ звѣрей, чудовищъ строй
 Хотя сей дерзости глумились,
 Но будто бы боясь — странились,

 И отверзали сами путь;
 136 А онъ, чтобъ паче страхъ вдохнуть,
 Со всадники, со колесницы,
 Какъ бы закрывъ зѣницы,
 Безстрашно вшелъ во сердце водъ
 140 И гналъ Иаковль родъ,
 Избранный искони и ввѣкъ хранимый Богомъ,
 Тесня его посѣшнымъ ходомъ;
 Но Богъ воззрѣль на Нордъ:
 144 Слияся двухолмный понть —
 И съ шумомъ поглотилъ тирана.
 Слѣдъ сталъ его лишь влага слана;
 Лишь выплывалъ тамъ щигъ, тамъ туль, тамъ бронь,
 148 Тамъ съ всадникомъ выказывался конь,
 Блестѣла чуть въ зыбяхъ порфира.
 Не честолюбья ли то образъ міра
 И гибели надменныхъ силъ?
 152 Се Богъ какъ ихъ казнилъ!

 Но ужась духъ еще обьялъ!
 Царь Сиріи, властитель міра,
 Явя въ себѣ торжество кумира,
 156 Безумнымъ вдругъ животнымъ сталъ,
 И на стѣнѣ предъ всѣхъ очами
 Писала длань огня чертами,
 Что скоро власть царя пройдетъ,
 160 Который правды не блюдетъ.
 Севышній управляетъ царства,
 Даетъ, отъемлетъ за коварства.

⁴ Всей стратегистики орудья. — «*Стратегистика*, слово греческое, значитъ военный обманъ или хитрость, которою Французы столь много превозносились». *Стратегія*, отъ греч. στρατός = войско, значитъ военное искусство.

Не видимъ ли и въ наши дни
164 Мы сихъ чудесъ въ Наполеонѣ?
На зыблемомъ возсѣдши тронѣ,
Не возлюбилъ онъ тишины,
Но, злобу злобами умножа,
168 Спокойны царства востревожа,
Во храмы запустѣнье внесъ,
Святыхъ не пощадилъ тѣлесъ,
Поль нѣжный, посрамленный,
172 Заставилъ втайнѣ лить токъ слезный, —

И Богъ сорвалъ съ него свой лучъ:
Тогда средь бурныхъ, мрачныхъ тучъ
Неистойвой своей гордыни,
176 И дома благостыни
Смердя своими надписями⁵,
А алтари коньми⁶
Онъ поругалъ. — Тутъ всѣ въ немъ чувства закричали,
180 Огнями надписи вспыхали,
Иsslали храмы стонъ —
И обезумѣлъ онъ.
Симъ предузнавъ свое онъ горе,
184 Что царство пройдетъ его вскорѣ,
Не могъ уже въ Москвѣ своихъ снести золь,
Решился убѣжать, зажегъ, ушелъ; —
Вторымъ ставъ Навходоносоромъ,
188 Кровавы угли вкругъ бросая взоромъ,
Лилъ пѣну съ челюстей, какъ вепрь,
И ринулся въ мракъ дебрь.

Но, Муза! тайственный глаголь
192 Оставь, — и возгреми трубою,
Какъ твердой грудью и душою
Россь, ополчась, на Галла шелъ;
Какъ Западъ съ Сѣверомъ сражался,
196 И громъ о громы ударялся,

⁵ Смердя своими надписями. — «Слухъ носился, что Наполеонъ въ Москвѣ своими надписями богоугодныя заведенія присвоилъ своей матери».

⁶ А алтари коньми. — «Смотри *Сѣверной Почты* № 78, статью изъ Твери».

И молнии съ молнѣями сѣклись,
И небо и земля тряслись
На Бородинскомъ полѣ страшномъ,
200 На Малоярославскомъ, Красномъ⁷.

Тамъ штыкъ съ штыкомъ, рой съ роемъ пуль,
Ядро съ ядромъ и бомба съ бомбой,
Жужжа, свища, сшибались съ злобой,
204 И мечъ, о мечъ звуча, слалъ гуль;
Тамъ всадники, какъ вихри бурны,
Темнили пылью сводъ лазурный;
Тамъ блѣдна Смерть съ косою въ рукахъ,
208 Скрежещуща, въ единый махъ
Полки, какъ класы, посѣкала
И трупы по полямъ бросала;

Тамъ рвали другъ у друга громъ⁸,
212 Осмь кратъ спирали градъ челомъ
И царство поборали царствомъ,
Зла генія коварствомъ,
Который такъ, какъ жгущій Эвр⁹,
216 Смотри на древній кедръ,
Стоящій на челѣ святой горы Синайской,
Всѣхъ прохлаждавшій тѣнью райской,
Преклоншися лицомъ
220 Надъ осмь морей стекломъ,
Простертъ бывъ на полсвѣтѣ корнемъ,
Цвѣлъ въ покровительствѣ Господнемъ;
Но Эвръ его давно сносить не могъ;
224 Рѣшилъ съ высоты низринуть въ логъ:
Напалъ, иглъ нѣсколько сшибъ зѣвомъ,
Но стебля сбить не могъ всѣхъ силъ набѣгомъ.
Вздохнулъ впервые на неспѣхъ
228 И съ срамомъ вспять побѣгъ.

⁷ На Малоярославскомъ, Красномъ. — «При сихъ мѣстахъ три славныя побѣды рѣшили участь не токмо Россіи и Европы, но, такъ сказать, цѣлой вселенной».

⁸ Тамъ рвали другъ у друга громъ. — «В реляціи отъ 27 августа видно, что батареи при Бородинѣ переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки».

⁹ Который такъ, какъ жгущій Эвр. — «Эвръ, африканскій полуденный палящій вѣтръ».

Бежить, — и пламеннымъ мечемъ
Его въ тыль Ангелъ погоняетъ,
Отвсюду ужасомъ смущаетъ,
232 Слѣдъ съетъ огненнымъ дождемъ.
Встревоженный, взъяренный, блѣдный,
Онъ съ трескомъ въ воздухъ мечетъ стѣны,
С кремлевскаго ихъ рвавъ холма;
236 С чела его въ мракъ искръ косма,
Сквозь дыма сыплясь, какъ комета,
Окровавляла твердь полсвѣта.

Бѣжить, — и нѣсколько полковъ,
240 Летящихъ воздуха волнами,
Онъ видитъ тѣней предъ очами
Святыхъ и нашихъ праотцовъ,
Которы въ звѣздномъ чель убранствѣ,
244 Безмѣрной высоты въ пространствѣ,
Какъ воющей погоды стонъ,
«Наполеонъ! Наполеонъ!»
Ліютъ въ слухъ жалобы: «изъ злости
248 Ты наши двигалъ прахъ и кости!»¹⁰

Бѣжить, — и зрить себя вокругъ
Онъ тысячи невинныхъ вдругъ,
Замученныхъ и убиенныхъ,
252 Имъ не запечатлѣнныхъ,
Что полумертвымъ взоромъ зрятъ,
С усть посинѣлыхъ хладъ
Дыхавъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ ему съ укорой:
256 «Ты, ты предвременной и скорой
Нась смертію посѣкъ,
Когда на брани текъ.
И се, — наполненну слезами
260 Семействъ и нашими кровями,
Обвиту жалами шипящихъ змѣй,
Ту чашу смертну, въ жизни что своей
Ты наполнялъ безперестанно,
264 Желалъ и требовалъ насыто, жадно

¹⁰ Ты наши двигалъ прахъ и кости! — «Видно изъ письма доктора Рокруа къ доктору Граю, что Наполеона не только сны, но и привидѣнія ужасали».

Еще, еще себѣ кровей,
Прими теперь и пей!» —

Бѣжить, — себя самъ упреждавъ;
268 За скорыми его шагами
Лишь поспѣваетъ Смерть прыжками,
Тѣль груди по странамъ бросаю;
Тамъ мѣдные лежатъ драконы,
272 На кони наваленны кони
И колесницы другъ на другъ.
Великаго здѣсь вождя духъ,
Искусство, смѣльство видно бранно,
276 Что онъ бѣжить лишь безпрестанно!

Бѣжить, — хотя и жажды полнъ
К сокровищамъ неоцѣненнымъ,
В чертогахъ, въ храмахъ похищеннымъ;
280 Но ихъ и всѣхъ кидаетъ онъ
Друзей, больныхъ безъ сожалѣнья.
Сей геній — ищетъ лишь спасенья!
Его страшитъ и вѣтровъ свистъ
284 И скрипъ деревъ и падшій листь,
В сердечныхъ отзываясь нѣдрахъ,
Какъ страшный громъ во мрачныхъ дебряхъ.

Бѣжить, — и самъ себя внутрь рветъ,
288 Что сильно Россъ его женеть;
Но кажетъ, будто бы безстрашно
Онъ шествуетъ обратно.
Такъ волкъ въ лѣса бѣжить назадъ,
292 Бывъ прогнанный отъ стада,
Оставя добычу, и рыщетъ хотъ скачками,
Но, взадъ озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплетъ изъ очей;
296 Иль аспидъ, лютый змѣй,
Бѣжить такъ съ полъ, коль Сѣверъ дуетъ
И Афра за собою чуетъ:
То вверхъ главу, то внизъ клоня, ползетъ,
300 Шипитъ, крутитъ хребетъ, хвостъ въ кольца вьетъ;
И сколько змей сей ни ужасенъ,
Но поползокъ его тѣмъ паче страшень,

304 Что дымъ струится въ немъ и смрадъ,
 А воздухъ дышитъ ядъ!

 Бѣжить, — и видитъ наконецъ,
 Что за его всѣ злодѣянья
 Готовитъ небо наказанья,
308 И падаетъ съ него вѣнецъ;
 Что, ставъ предъ собственнымъ ужъ взоромъ
 Кладбищнымъ рать его позоромъ,
 Отъ глада, ранъ и мраза мреть.
312 О ужась! Галль здѣсь Галла жретъ!
 Но съ сердцемъ Бонапартъ желѣзнымъ
 И симъ смѣется бѣдствамъ слезнымъ!¹¹

 Бѣжить, — но сорока двухъ лунъ
316 Ужъ данный срокъ на возвышенье,
 Еще пяти — на оскверненье¹²
 Ему прошелъ; уже перунъ
 Предвѣчнаго виситъ закона
320 Поверхъ главы Наполеона:
 Еще немного — онъ падетъ,
 И сонмъ тѣхъ царствъ, что съ нимъ идетъ,
 Вдругъ на него весь обратится;
324 Содомъ, Гоморъ съ нимъ вспепелится.

 О, такъ! таинственныхъ числъ звѣрь¹³,

¹¹ И симъ смѣется бѣдствамъ слезнымъ! — «В томъ же письмѣ доктора Рокруа къ Граю видно, что когда Наполеону предсказывали о подобныхъ ужасныхъ картинахъ, то онъ улыбался».

¹² Еще пяти — на оскверненье. — «42 мѣсяца нѣкоторые разумѣютъ 42 года его, можетъ быть, политической жизни по сей 1812 годъ; а другіе 42 мѣсяца принимаютъ въ прямомъ смыслѣ время его успѣховъ по испанскую войну, и объясняютъ оныя числомъ звѣринымъ, какъ ниже видно. — Касательно же 5 мѣсяцевъ, то оныя полагаютъ со дня вступленія его въ Россію, съ іюня по ноябрь мѣсяць» (см. ниже).

¹³ О, такъ! таинственныхъ числъ звѣрь. — «Число звѣрино 666 (Апок. гл. 13, ст. 18). Видно изъ исчисленія дерптскаго профессора Гецеля въ письмѣ къ военному министру Барклаю-де-Толли, отъ 22 іюня 1812 года, что въ числѣ 666 содержится имя *Наполеона*, какъ и приложенный при семъ французскій алфавитъ то доказываетъ». — Дополнимъ это примѣчаніе Державина выпиской изъ *Исторіи отеч. войны*, М. И. Богдановича: въ имени Наполеона, переложенномъ въ цифры, по еврейскому численію, думали отыскать звѣря (Антихриста), означеннаго въ Апокалипсисѣ числомъ 666; а какъ въ другомъ мѣсте Апокалипсиса опредѣленъ былъ предѣлъ славы этого звѣря числомъ 42, то надѣялись, что 1812 годъ, въ который Наполеонъ имѣлъ отъ роду 42 года, будетъ временемъ его паденія. В Апокалипсисѣ, гл. 13, находится слѣдующее пророчество, ст. 18: «Здѣ мудрость есть, иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть и число его шестьсотъ-шестьдесятъ-шесть. И даны быша ему уста, глаголюща велика и хульна; и дана бысть ему область творити мѣсяць четыре-десять-два». Какъ въ

В плоти седьмглавый Люциферъ,
 О десяти рогахъ вѣнчанный¹⁴,
 328 Дни кончить смрачны.
 Сей мнимый геній, царь царей,
 Падеть злый вождь вождей.
 Судьбы небесныя издревле непреложны:
 332 Враги Христовы суть ничтожны.
 Отъ нихъ намъ вѣра — щить;
 Онъ праведныхъ хранить.
 Кто жъ щить даетъ сей царствъ въ отпору?
 336 Царь, не причастный Вельфегору¹⁵.
 Такъ! Александровъ гласъ нашъ духъ вознесъ:
 Прибѣгъ онъ въ храмъ — и сталъ безстрашнымъ Россъ.
 Упала демонская сила
 340 Рукой избранна князя Михаила¹⁶.
 Сей мужъ лишь Гога могъ потрясть,
 Россію вѣрой спасти.

Какая честь изъ рода въ родъ
 344 Россіи, слава незабвенна,
 Что ей избавлена вселенна
 Отъ новыхъ Тамерлана ордъ!
 Цари Европы и народы!
 348 Какъ бурны вы стремились воды,
 Чтобъ поглотить край Росса весь;

имени и титулѣ звѣриномъ, кои на французскомъ языкѣ изображаются сими словами: L'empereur Napoléon, такъ и въ числѣ четырехдесяти-двухъ, кои на ономъ же языкѣ пишутся словами: quarante deux, находится оба раза число 666, которое опредѣлено въ помянутой главѣ, стихѣ 18-мъ Апокалипсиса.

¹⁴ О десяти рогахъ вѣнчанный. — «Имеетъ семь главъ и роговъ десять (Апок. гл. 17, ст. 3). Подъ главами разумѣются здѣсь семь королей, поставленныхъ Наполеономъ, какъ-то: *неаполитанскій, вестфальскій, виртембергскій, саксонскій, голландскій, испанскій, баварскій*; а подъ рогами — десять народовъ, ему подвластныхъ, а именно: *австрійскій, прусскій, саксонскій, баварскій, виртембергскій, вестфальскій, италіанскій, испанскій, португальскій, польскій*, какъ въ манифестѣ отъ 3 ноября 1812 г. явствуетъ».

¹⁵ Царь, не причастный Вельфегору. — «*Вельфегоръ идоль*; — разумѣется здѣсь Наполеонъ, которому государь не причастился, или союзникомъ не былъ».

¹⁶ Рукой избранна князя Михаила. — «*Возстанетъ Михаилъ князь великій* (у пророка Даніила гл. 12, ст. 1). — Замѣчательно, что фельдмаршалъ Кутузовъ, при порученіи ему въ предводительство арміи, какъ бы нарочно пожалованъ княземъ, чтобы сблизиться съ Священнымъ Писаніемъ; впрочемъ онъ избранъ былъ общимъ голосомъ въ начальники всеобщаго ополченія». 17-го іюня послѣдовало избраніе графа Кутузова въ начальники съ-петербургскаго ополченія; 29 іюля онъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, а 8 августа назначенъ въ главнокомандующіе всѣми арміями и ополченіями. Прозваніе *Смоленскаго* пожаловано ему за дѣла подъ Краснымъ и вообще въ смоленской губерніи при отступленіи Наполеона (М. Богдановичъ, томъ II, стр. 11, и III, 146).

Но буйные! гдѣ сами днесъ?
Почто вы спяща льва будили,
352 Чтобы узналъ свои онѣ силы?

Почто вмѣщались въ сонмъ вы злыхъ
И, съ нами разорвавъ союзы,
Грабителямъ поверглись въ узы
356 И сами укрѣпили ихъ?
Гдѣ царственны, народны правы?
Гдѣ, гдѣ германски честны нравы?
Друзья мы были вамъ всегда,
360 За васъ сражались иногда;
Но вы, забывъ и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О новый Вавилонъ, Парижъ!
364 О градъ мятежничьихъ жилищъ,
Гдѣ Бога нѣтъ, окромѣ злата,
Соблазновъ и разврата;
Гдѣ самолюбыю на алтарь
368 Все, все приносятъ въ даръ!
Бывъ чуждыхъ царствъ несытъ, ты шель съ Наполеономъ,
Неизмѣримымъ небосклономъ
Россіи повратить,
372 Полсвѣта огорстить.
Хоть прелестей твоихъ уставы
Давно ужъ чли вѣнцомъ мы славы;
Но, не довольствуясь слѣпить умомъ,
376 Ты мнилъ попрасть насъ и мечомъ,
Забывъ, что сѣверныя силы
Всегда на Западъ ужасъ наносили;
Гдѣ жъ мамелюкъ твой, гдѣ элитъ?
380 О вѣчный Сенъ стыдъ!

Такъ, дерзка Франція! и вы,
С ней шедшія на насъ державы!
Не страшень намъ вашъ ковъ коварный,
384 Коль члены мы одной главы.
Отъ хижинъ, церкви до престола
И дѣти всѣ до нѣжна пола
Суть царски витязи у насъ.

388 Вы сами видѣли неразъ,
Какъ вель отецъ дѣтей ко брани,
Какъ сами шли безстрашно къ казни.

А вапа гдѣ надменность словъ
392 И похвальбы Наполеона,
Что къ обладанью росска трона
Не мечъ онъ несъ, а пукъ оковъ?
Гдѣ на монетѣ, имъ тисненной¹⁷,
396 Тотъ царь Москвы, тотъ царь вселенной,
Кто произнесъ толь дерзку рѣчь,
Что онъ, поколь наверхъ свой мечъ
Петрова не положитъ гроба,
400 Не дастъ покою намъ?.. О злоба!

Но духъ Петровъ, сквозь звѣздну мглу
С улыбкой внявъ сію хулу,
Геройской кротости въ незлобьи
404 Вспарилъ орла въ подобьи, —
И грянулъ бородинскій громъ.
С тѣхъ поръ Наполеонъ
Упалъ въ душѣ своей, какъ духъ Сатанаила,
408 Что древле молнией Михаила
Палъ въ озеро огня
И тамъ, стена,
Мертвъ въ помыслахъ лежитъ ужасныхъ
412 Подъ ревомъ волнъ, искръ смрадныхъ, страшныхъ.
А если онъ когда еще и живъ,
То только тѣмъ, что, взоры искосивъ
На Сѣверъ съ зависти и злости,
416 Грызетъ свои, бѣснуясь, ссохши кости,
На славу Александра зря,
Всѣмъ милаго царя.

Лежить! — о радость! о восторгъ!
420 Кавказъ и Тавръ встаютъ мнѣ выше,
Евксинъ и Бельтъ шумятъ мнѣ тише:
Мы побѣдили, — съ нами Богъ!

¹⁷ Гдѣ на монетѣ, имъ тисненной. — «Увѣряютъ нѣкоторые, что будто въ Москвѣ выбита была, по приказанію Наполеона, монета или медаль, на которой изображенъ его портретъ съ надписью: «*Мой міръ и моя воля*».

Вселенна знай и всѣ языки,
424 Коль благъ Богъ въ браняхъ намъ великій!
Внемли, врагъ скрытый, намъ хвалу;
Гладь, змѣй, языкъ свой о пилу;
Кричи, что рейнски страшны силы; —
428 Ихъ съ Нѣмана по Обь могилы!¹⁸

Такъ, щить намъ Богъ: мы страшны Имъ,
Его мы волей торжествуемъ,
Ему побѣды возписуемъ,
432 Имъ Русскій Царь непобѣдимъ, —
Будь одного Его держава!
Славянъ всегда наслѣдье — слава.
Не блещутъ доблести безъ бѣдъ,
436 И превосходствъ нѣтъ безъ побѣдъ.
Богъ посѣтилъ насъ, — Богъ прославилъ,
Всѣхъ выше царствъ земныхъ поставилъ.

Хвала Ему! хвала, Творецъ,
440 Тебѣ! изъ глубины сердецъ
Благодареніе приносимъ;
Молебны чувства вносимъ
Тебѣ въ пространны небеса
444 За явны чудеса,
Которыми Ты насъ возвысилъ непостижно,
Изъ всѣхъ земныхъ державъ такъ дивно,
Что честью превознесъ
448 И славой до небесъ:
Отечество мы оградили,
Царя и вѣру защитили
Отъ угрожавшихъ рабственныхъ оковъ;
452 Не зря на лестъ и на соблазнъ даровъ,
На ужасы и самой смерти,
Галль не возмогъ насъ предъ собой простерти;
И симъ ужаснымъ бѣдствомъ Россъ
456 Еще превыше взросъ.

О Россъ! о добльственный народъ,
Единственный, великодушный,

¹⁸ Ихъ съ Нѣмана по Обь могилы! — «Нѣманъ — извѣстная пограничная рѣка; а Обь — протекающая въ Сибири, куда отсылаются преступники».

Великій, сильный, славою звучный,
460 Изящностью своихъ добротъ!
По мышцамъ ты неустомимый,
По духу ты непобѣдимый,
По сердцу простъ, по чувству добръ,
464 Ты въ счастья тихъ, въ несчастья бодръ,
Царю радушень, благородень,
В терпѣнны лишь себѣ подобень.

Красуйся жъ и ликуй, герой,
468 Что въ нынѣшнемъ ты страшномъ бѣдствѣ
В себѣ и всемъ твоёмъ наслѣдствѣ
Даль свѣту духъ твой знать прямой!
Лобзайте, родши, чадъ, ихъ, — чада,
472 Что въ васъ отечеству ограда
Была взаимна отъ враговъ;
Цѣлуйте, дѣвы, жениховъ,
Мужей супруги, сестры братья,
476 Что былъ всякъ твердъ среди несчастья.

И вы, Гесперья, Альбионъ¹⁹,
Внемлите: палъ Наполеонъ!
Безъ насъ вы рано или поздно,
480 Но понесли бы грозно,
Какъ всѣ несутъ, его ярмо, —
Ужъ близилось оно;
Но мы, какъ холмы, бывъ внутри жупломъ наполненны,
484 На насъ налегшій облакъ черный
Сдержавъ на раменахъ,
Огнь дхнули, — палъ онъ въ прахъ.
С гиганта ребръ въ Версальи трески,
488 А съ нашихъ рукъ вамъ слышны плески:
То въ общемъ, славномъ торжествѣ такомъ
Не должны ли и общихъ хвалъ вѣнцомъ
Мы чтить героевъ превосходныхъ,
492 Душою россовъ твердыхъ, благородныхъ?
О, какъ мне милъ ихъ взоръ, ихъ слухъ!
Плѣнень мой ими духъ!

¹⁹ И вы, Гесперья, Альбионъ. — «Гесперія и Альбионъ», древнія имена Испаніи и Англіи».

И се, какъ въявѣ вижу сонъ,
496 Ношуся внѣ предѣловъ міра,
Где въ голубыхъ поляхъ эѳира
Витають вождей росскихъ сонмъ.
Межь ими тамъ въ бесѣдѣ райской
500 Рымникскій, Таврскій, Задунайскій
Между собою говорятъ:
«О, какъ вѣнецъ свѣтлѣй стократъ,
Что данъ не царствъ за разширенье,
504 А за отечества спасенье!

Мамай, Желковскій, Карлъ путь святъ
К безсмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому;
508 Кутузову днесъ — Бонапартъ.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будутъ, ихъ не умретъ слава.
Какъ воинъ, что въ бою не палъ,
512 Еще хвалъ вѣчныхъ не стяжалъ;
Такъ громокъ странъ пусть покоритель,
Но лишь великъ ихъ святъ спаситель».

Поправдѣ, вѣчности лучей
516 Достойны войны нашихъ дней.
Смоленскій князь, вождь дальновидный,
Не зря на толкъ обидный,
Великій умъ въ себѣ являлъ,
520 Безъ крови поражалъ
И въ бранной хитрости противника, безъ лести,
Превысилъ Фабія онъ въ чести.
Витгенштейнъ легче бить
524 Умѣлъ, чѣмъ отходить
Средь самыхъ пылкихъ, бранныхъ споровъ,
Бывъ смѣлъ какъ левъ, быстръ какъ Суворовъ.
Вождь не предзримый, громъ какъ съ облаковъ,
528 Слеталъ на вражій станъ, на тылъ — Платовъ.
Но какъ исчислить всѣхъ героевъ,
Живыхъ и падшихъ съ славою среди боевъ?
Почтимъ Багратионовъ прахъ —
532 Онъ живъ у насъ въ сердцахъ!

Се бранныхъ подвиговъ вѣнецъ!
И разность межъ Багратиономъ
По смерти въ чемъ съ Наполеономъ?
536 Не въ чувствѣ ль праведныхъ сердецъ?
Для нихъ не больше ль знаменитый
Слезой, чѣмъ клятвами покрытый?
Такъ! мѣрилъ мѣрой кто какой,
540 И самъ возмѣренъ будетъ той.
Намъ правда Божія явила,
Какая Галловъ казнь постигла.

О полный чудесами вѣкъ!
544 О міра колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На насъ со всей Европой текъ!
Но гдѣ днесъ добычи богаты?
548 Гдѣ мудрые вожди, тристаты?
Гдѣ побѣдитель въ торжествахъ?
Гдѣ геній, блещущій въ лучахъ?
Не здѣсь ли имъ урокъ въ ученье,
552 Чтобъ царствъ не льститься на хищенье?

О, такъ! блаженство смертныхъ въ томъ,
Чтобъ дѣйствовать всегда во всемъ
Лишь съ справедливостью согласно,
556 Такъ мыслить безпристрастно,
Что мы чего себѣ хотимъ,
Того желать другимъ.
Судьбы Севышняго, отнявъ скиптръ у Бурбоновъ,
560 По чертежу своихъ законовъ
Взявъ червя изъ червей,
В санъ облекли царей.
Долгъ былъ его, — къ чему былъ званный;
564 Но онъ, нечестьемъ обуянный,
Дерзнулъ Господню волю пренебречь,
Не стерть токъ слезъ, судъ правый не изречь
И быть отрекся миролюбнымъ,
568 Великимъ; но склоня свой слухъ ко трубнымъ
Онъ гласамъ, мнилъ быть и судьбѣ
Царь, Богъ — и се не бѣ!

Не бѣ. — Но ты, монархъ, блистай
572 Твоей небесной красотою;
То кротостію, то правотою
Владѣй, плѣняй и успѣвай
Лукъ наляцать твой крѣпкій, сильный,
576 Чрезъ всѣ твои страны обширны
Ко ужасу твоихъ враговъ,
И грозный строй твоихъ полковъ,
Какъ туча молнѣями чревата,
580 Крутомъ возляжетъ царства свята.

Югъ, Западъ, Сѣверъ и Востокъ
Подъ твой покровъ прострутъ ихъ длани,
Уйдетъ вражда, умолкнутъ брани,
584 В пшеницѣ не взрастетъ порокъ;
Цари придутъ къ тебѣ на сонмы,
Чтобъ миромъ умирить ихъ громы,
И скромну власть твою почтутъ;
588 Обыметъ совѣсть правый судъ;
Всѣмъ чувство въ грудь волеется ново,
И царство снидетъ къ намъ Христово.

Печалью мрачныя главы
592 Лучемъ возблещутъ вновь Москвы,
Вновь внидетъ благолѣпье въ храмы,
С обѣтомъ ѳиміамы
Возжгутся наши и сердца
596 Не забывать Творца;
Отца отечества несмѣтны попеченьи
Скорбей прогонять нашихъ тѣни;
Художествъ сонмъ, наукъ,
600 Торговъ, лиръ громкихъ звукъ,
Всѣ возвратятся въ ихъ жилищи;
Свое и чуждо племя пищи
Придутъ, какъ подъ смоковницей, искать
604 И словомъ: бывъ градовъ всѣхъ русскихъ мать,
Москва по-прежнему возстанетъ
Изъ пепла, зданьемъ велелѣпнымъ станетъ,
Какъ фениксъ, снова процвѣтатъ,
608 Вѣнцомъ средъ звѣздъ блистатъ.

И сей прелестный градъ Петровъ
Отъ удовольствіевъ сердечныхъ,
Отъ радостей невинныхъ, честныхъ,
612 Да съ тѣмъ сравнится, съ облаковъ
Что снидетъ душъ святыхъ въ ограду,
В блаженство, въ сладость и въ прохладу,
Гдѣ съ камней, стѣнь драгихъ лучи
616 Подъ гуслими взблещутъ и въ ночи;
Зной вздремлетъ древъ подъ осѣненьемъ,
Освѣтитъ царь своимъ все зрѣньемъ,

И изъ страны Россійской всей
620 Печаль и скорби изженутся,
В ней токи крови не прольются,
Не кануть слезы изъ очей;
Отъ солнца пахарь не сожжется,
624 Отъ мраза бѣдный не согнется;
Сады и нивы плодъ дадутъ,
Моря чрезъ горы длань прострутъ,
Ключи съ ключами сожурчатся,
628 По рощамъ пѣсни отгласятся.

Но солнце! мой вечерній лучъ!
Уже за холмы синихъ тучъ
Спускаешься ты въ темны бездны,
632 Твой тускнетъ блескъ любезный
Среди лиловыхъ мгlistыхъ зарь,
И мой ужъ гаснетъ жаръ;
Холодна старость — духъ, у лиры — гласъ отъемлетъ,
636 Екатерины Муза дремлетъ:
То юнаго царя
Днесь вслѣдъ орловъ паря,
Предшествующихъ благъ видѣнья,
640 Что мною въ день его рожденья
Предречено, достойно пѣть
Я не могу; младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны,
644 Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣль я трехъ царей.